

БЛОК И ЛИТЕРАТОРЫ

(НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА С. А. АЛЯКРИНСКОМУ,
М. Ф. АНДРЕЕВОЙ, Н. С. АШУКИНУ, П. Н. ЗАЙЦЕВУ,
В. А. ЗОРГЕНФРЕЮ, П. П. МУРАТОВУ, С. Л. РАФАЛОВИЧУ).

Публикации и комментарии Р. Д. Тименчика

I. БЛОК — СОВЕТНИК СТУДЕНЧЕСКОГО ЖУРНАЛА

В архиве Блока сохранилось недатированное письмо Владимира Ивановича Нарбута:

«Глубокоуважаемый Александр Александрович!

По некоторым обстоятельствам издание студенческого журнала «Студенческий мир» перенесено на сентябрь. Я очень извиняюсь перед Вами за невольный обман, но вместе с тем разрешаю себе считать в портфеле редакции Ваше прекрасное стихотворение „Из Гейне“. Оно пойдет в № 1. Журнал будет Вам высылаться и обо всем подробно Вы будете извещены. Тот список сотрудников, какой Вы дали мне, когда я был у Вас, целиком принят редакцией. Все будут приглашены.

Еще раз извиняюсь перед Вами и прошу не взыскать.

Всегда уважающий Вас Вл. Н а р б у т
Коломенская ул., д. 4, кв. 4, Вл. Ив. Нарбут»¹

Письмо относится, по-видимому, к весне 1910 г.² Журнал «Студенческий мир», предполагавшийся как двухнедельный³, стал выходить с января 1911 г. под названием «Gaudemus» еженедельно (всего вышло 11 номеров). В этом письме обращает на себя внимание тот факт, что Блок предложил планировавшемуся журналу список желательных сотрудников. Имена их выясняются из мемуарного очерка Нарбута, в котором он рассказывает о встрече с Блоком, упоминаемой в письме:

«С Александром Александровичем я уже был знаком и носил пушкинский его, темно-зеленого цвета, с большими отворотами и упрямой талией сюртук. Упомяну кстати, что последний унаследовал я от художника И. Я. Билибина, в квартире которого я в ту пору жил и где, если не изменяет мне память, впервые видел Блока⁴.

Было Рождество 1910 года, звонкое и сухое петербургское время. Наша студенческая и литературная братия (отчасти осколок прежнего «Кружка молодых», отчасти дальнейшее его развитие) добыла средства для издания своего студенческого журнала. Торжествующая реакция и общее политическое упадничество среди сознательной части питерского студенчества наложили на этот еженедельник свою мертвую печать, хотя в нашу литературную группу в университете входили такие лица, как (А. А.) Гизетти (теперь, кажется, член РКП), А. (И.) Гидони (в 1917 г. игравший в Москве видную роль как анархист), (Д.) Шапиро (с.-д.), И. Розенталь (с.-д.) и чуть ли не Д. (В.) Кузьмин-Караваев (с.-д.) — принимавший непосредственное участие в партийных организациях.

Решено было (как и когда, точно не помню) издавать журнал, посвященный исключительно искусству. И действительно, в 11 вышедших номерах его студенческое бытие было отражено лишь серой хроникой, да двумя, тремя статьями проф. Рейснера и Сватикова. Весь прочий материал может быть классифицирован как литературно-художественный. И самая конфискация 2-го номера произошла больше по недоразумению (стихи Волошина и рисунок). Редакционная коллегия «Гаудеамуса» (так назывался журнал) (<...> поручила мне достать стихи у Блока и у тех поэтов, каких он укажет.

А. А. обитал в те дни во дворе на Галерной, недалеко от «Биржевки». Пришел я к нему в воскресенье утром, а засиделся до обеда. Долго толковали мы, кого и как (гонорара у нас почти не полагалось, весь «капитал»-то был что-то около 1000 рублей плюс типографский кредит, а журнал должен был выходить на меловой бумаге с тоновыми клеями и при тираже в 5—8 тысяч, — так оно впрочем и было осуществлено) приглашать в сотрудники «Гаудеамуса». Здесь я и смог удостовериться с одной стороны в красном словечке К. И. Чуков-

ского⁵, а с другой в неприятии А. А. какой бы то ни было литературной школы, в органическом отвращении к футляру. На мой вопрос, заданный, конечно, в расчете на положительный ответ, не привлечь ли П. Потемкина и В. Пяста (о Цензоре я заговорил позже), А. А. поморщился и отрицательно качнул белокурой головой.

— Они вам не нужны. Ваш журнал должен быть свежим, молодым. А как может пригодиться вам Потемкин? Владимира Алексеевича (Пяста), пожалуй, следовало бы пригласить, как рецензента... Но их стихи, по моему мнению, не поэзия.

И тут же настойчиво стал рекомендовать мне: «Непременно возьмите у него стихи, у В. Гиппиуса» («Вас. Галахов», затем учитель гимназии, родственник Зинаиды Гиппиус), только что напечатанного, по протекции того же А. А., следующую пьесу (помню начало):

Листья осенние вертятся, падают.
Павшие листья уносит река.
Ветер летит, задыхаясь и радуя:
.....Ты будешь близка⁶.

Стихи В. Гиппиуса, разумеется, были приобретены. Но «портфель редакции», освобождаемый в мае 1911 г. при ликвидации «Гаудеамуса», вырыгнул и ворох архисимволических произведений этого будто бы узаконенного последователя Блока. «Будто бы», потому что в другие года А. А. отзывался о том же Гиппиусе неважно.

— А вот еще бы Цензора... — заикнулся я и моментально ощутил знойный зуд в корнях волос.

А. А. весело рассмеялся.

— Митя Цензор (его все так и звали: «Митя») не для вас. Из «Нивы» он скоро перекочует в «Родину» (Блок не ошибся). А вам он совсем не нужен. Им вы убьете журнал. Возьмите стихи у Кузмина, Иванова, Брюсова... Но не подпускайте к себе и близко Цензора. Он вообще не поэт.

Сам Александр Александрович дал нам перевод из Гейне («Лорелей»).

— Хорошо было бы, — заметил вдруг, пожевав губами, Блок, — если бы «Гаудеамусу» удалось выпарапать рассказ у Аверченко. Прекрасные рассказы у него, настоящие. Думаю, что Аверченко самый лучший сейчас русский писатель. Вы не гонитесь за эстетикой, а вот Гоголя нового найдите. А то — очень уж скучно...

Этим визитом не ограничилась моя связь с А. А. по поводу журнала. Всей коллегией мы, помнится, навестили Блока два раза. И Александр Александрович не особенно одобрял наш «Гаудеамус», плывший по морю символизма на полных парусах. Потом, за кончиной журнала, в «Аполлоне», «Цехе поэтов» и в других клубно-редакционных местах, а также и на дому, я неоднократно беседовал с А. А. на тему о символизме — в частности и о литературной школе вообще — и вынес твердое убеждение, что Блок никогда не был ортодоксальным символистом. Он одинаково восторженно принимал Ахматову и Маяковского, Аверченко и Ремизова, Гофманстала и Мопассана.

Блок был реалистом-романтиком. И символизм его был подвечной фатой этой романтики⁷.

Рекомендованных Блоком Кузмина, Вячеслава Иванова и Брюсова Нарбут привлек к журналу — стихи первых двух были напечатаны в № 3 «Gaudeamus» (10 февраля 1911 г.; перевод Блока из Гейне появился во 2-м номере — 3 февраля 1911 г.), Брюсова — в последнем, пасхальном № 11 (7 апреля 1911 г.).

Нарбут писал Брюсову 19 марта 1911 г.: «Позвольте выразить Вам душевную благодарность всей редакции за внимание, оказанное Вами Gaudeamus'у. Мы приложим все силы, чтобы поставить наш орган на должную высоту: будем бороться с рутинной, шаблонной и уличной и — никогда не сольемся с ею: лучше — смерть издания, чем войти в русло такого литературного течения...»⁸. Предсказанный в этом письме финал скоро наступил — 5 апреля 1911 г. Нарбут сообщил Кузмину: «Вчера на нашем заседании окончательно выяснилось, что прежнее ведение Gaudeamus'a невозможно: издатель предложил такие условия, на которые я никак не мог согласиться... Посему пасхальный (вообще очень беспорядочный) номер будет последним, вышедшим под бывшей редакцией. Из стихов, что было лучшего и набранного, я вместил все в этот последний номер»⁹. В одиннадцати вышедших номерах журнала Нарбут печатал стихи поэтов, уже успевших себя зарекомендовать в символистских кругах

в 1900-е годы, — С. Городецкого, Б. Дикса (Лемана), В. В. Бородаевского, М. Волошина, И. Рукавишников, Л. Столицу, а также и начинающих — Ахматову, Георгия Иванова, А. Д. Скалдина, В. Н. Квяжина, А. А. Конге¹⁰. Но стихов забракованных Блоком Потемкина и Цензора в журнале не появилось¹¹. Заметим, что, передавая ироническое прощество Блока по поводу Цензора, Нарбут умалчивает о том, что он и сам впоследствии печатал стихи в незыскательном журнале «Родина» не реже, чем Цензор. Здесь следует вообще оговорить некоторую «кружковую» тенденциозность, которая окрашивает воспоминания Нарбута и, возможно, иногда приводит к прямому искажению фактов — так, маловероятно, хотя и допустимо, что Блок советовал привлечь А. Т. Аверченко к журналу; он осуждал «дымовско-аверченко-комористическое» (VII, 166); что же касается восторженного «приятя» Гуго фон Гофманстала, то неизменная отрицательная оценка этого автора у Блока заставляет считать свидетельство Нарбута неточным¹². «Отлучение» Блока от символизма предпринималось Нарбутом и в прижизненных отзывах о Блоке. В 1913 г., когда Нарбут высмеивал «беззастенчивое поклонение символизму, так сурово и правдиво осужденному акмеизмом (новой литературной школой, выступившей в защиту всего конкретного, действительного и жизненного)»¹³, он писал по поводу «неумелого и нетщательного подбора стихотворных пьес» в альманахе «Прометей»: «Ведь есть же „акмеисты“¹⁴, да и у некоторых символистов (например, у Блока) существуют произведения более веские, чем те, которые вошли в этот сборник»¹⁴. Свою первую «акмеистическую» книгу стихов «Аллилуйя» Нарбут поднес Блоку с надписью: «Дорогому Александру Александровичу Блоку на память светлую Владимир Нарбут. Спб. Апрель 912 г.» (ИРЛИ). Блок, однако, не принял поэтики этого сборника с ее эпатазирующим физиологическим натурализмом, облеченным, как говорили в Цехе поэтов, в «метафизический сюргук»¹⁵. В 1913 г., читая акмеистический манифест Городецкого, Блок во фразе: «Владимир Нарбут <...> во второй книге («Аллилуйя») является поэтом, осмысленно и непреклонно возлюбившим землю» — подчеркнул слова «осмысленно и непреклонно» и приписал: «первое — едва ли»¹⁶.

Как явствует из стихотворения Нарбута на смерть Блока, он бывал у Блока и на Офцерской¹⁷. Последним случаем их делового (хотя и заочного) сотрудничества было участие Блока в издававшемся Нарбутом в 1918—1919 гг. воронежском журнале «Сирена»¹⁸.

¹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 49, л. 1—2. О В. И. Нарбуте см. в разделе «Блок в поэзии его современников». В Петербургском университете Нарбут числился (на разных факультетах) с 1906 по 1912 г.

² В указателе «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог», вып. 2, — письмо датируется: «1909, до сентября» (с. 341). Однако стихотворение «Из Гейне» («Не знаю, что значит такое...»), о котором идет речь в письме Нарбута, еще 19 ноября 1909 г. было предложено Блоком С. А. Венгеру для Сборника Литературного фонда (III, 638; VIII, 297); ровно месяц спустя Блок узнал о том, что этот перевод его просят заменить другим стихотворением («Блоковский сб.», 2, с. 340) и, следовательно, только после этого мог передать перевод «Лорелей» Нарбуту — их встреча, по-видимому, произошла в 20-е числа декабря 1909 г. (на «Рождество 1910 года», как указывает Нарбут).

³ Первый номер планировалось выпустить 26 марта 1910 г. (см. письмо Нарбута к Брюсову — ГБЛ, ф. 386, к 96, ед. хр. 1). В начале 1910 г. Нарбутом была также взята статья у В. В. Розанова, возвращенная позднее автору в связи с отсрочкой издания журнала (ЦГАЛИ, ф. 419, оп. 2, ед. хр. 1).

⁴ Один из визитов Блока к Билибину состоялся, по-видимому, в октябре 1907 г., в пору, когда оба они сотрудничали в постановке «Действа о Теофиле» в Старинном театре (см. письмо Н. В. Дризену к Блоку от 18 октября 1907 г. о том, что тому необходимо заехать к Билибину. — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 30, л. 1—2). Учеником и другом Билибина был старший брат В. И. Нарбута — график Г. И. Нарбут.

⁵ По-видимому, имеется в виду перечень подражателей и последователей Блока (Л. Семенов, П. Потемкин, М. Пожарова, В. Пяст) в статье К. Чуковского «О современной русской поэзии» («Литературные и популярно-научные приложения к «Ниве», 1907, № 3, стб. 418).

⁶ Стихотворение Вас. Гишпиуса было напечатано, насколько можно судить по его воспоминаниям, без всякой протекции Блока. О высокой оценке этого стихотворения Блоком писал и сам Вас. Гишпиус. Приведем его текст:

Листья безумные вертятся, падая,
Павшие листья уносит река.
Ветер летит, увлекая и радуя.
...Ты будешь близка.

Пусть изнеможет под грозами новыми
Плавный полет моего корабля,—
Все примирит снеговыми покровами
Невеста-земля.

Круг завершится. В волнах очищения
Мука недавняя станет легка.
Снова заслышим весенние пения.

Ты будешь близка.

(«Новый журнал для всех», 1908, № 2, стлб. 70)

О Вас. В. Гиппиусе и отношении Блока к нему см. в разделах «Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях» и «Блок в нежданной переписке и дневниках современников» (наст. том, кн. 3). Стихи Вас. Гиппиуса напечатаны в «Gaudemus» в № 7 и 10. В надписи на экземпляре своей книги «Аллулуй», подаренном Вас. Гиппиусу, Нарбут подчеркнул свое противостояние ему как «акмеиста» — «символисту»: «Другу моему Гиппиусу Василью — небесняку от земляка» (ОРК ГБЛ).

⁷ Вл. Нарбут. О Блоке. Ключки воспоминаний. — «Календарь искусств», Харьков, 1923, № 1, с. 2—3.

В перечислении и характеристике членов литературной группы Петербургского университета у Нарбута есть неточности: «И. Розенталь» — это, по-видимому, Семен Розенталь, А. А. Гизетти не стал членом РИП, Александром Иосифовичем Гидони мемуарист спутал, по-видимому, с известным анархистом Александром Ге.

⁸ ГБЛ, ф. 386, к. 96, ед. хр. 1.

⁹ ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 308.

¹⁰ Александр Александрович Конге (1891—1915) — поэт, в судьбе которого, возможно, принял участие Блок: П. В. Безобразов в рекомендательном письме по поводу А. А. Конге, направленном Блоку, просил внимания к «молодому певцу, который, говорят, Вам подражает» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 143, л. 2). Влияние Блока на Конге отмечено в рецензии Вас. Гиппиуса на сборник стихов А. А. Конге и М. А. Долинова «Пленные голоса» (СПб., 1912) — «Новая жизнь», 1912, № 1, с. 269.

¹¹ Об отношении Блока к творчеству П. П. Потемкина см. в разделе «Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях». Оценку творчества Д. М. Цезора Блок дал в 1919 г. (VI, 333-335).

¹² См. отзыв Блока о Гофманстале в письмах к матери от 31 июля 1908 г. («Письма к родным», I, с. 221) и к Л. Д. Блок от 20 февраля 1913 г. (VIII, 410). Отношение же Блока к Мопсану действительно было заинтересованным (VI, 152—153).

¹³ «Новый журнал для всех», 1913, № 5, стлб. 149.

¹⁴ Там же, стлб. 150.

¹⁵ А. Ахматова. Листки из дневника. ОРК ГПБ, ф. 1073, ед. хр. 66.

¹⁶ П. В. Куприяновский. Пометки А. Блока на манифестах поэтов-акмеистов. — «Ученые записки Ивановского гос. пед. ин-та», т. XII, Филол. науки, вып. 3, 1957, с. 127.

¹⁷ Текст стихотворения см. в разделе «Блок в поэзии его современников» (наст. т., кн. 3).

¹⁸ В 1918—1919 гг. В. И. Нарбут редактировал в Воронеже двухнедельный литературно-художественный журнал «Сирена». В числе прочих авторов (К. Чуковский, О. Мандельштам, Н. Гумилев, Н. Н. Евреинова, А. М. Ремизова, А. П. Чапыгина, М. М. Пришвина и других) Нарбут стремился привлечь к участию в журнале и Блока — см. письма Нарбута к Г. И. Чулкову от 12 августа 1918 г. (ГБЛ, ф. 371, к. 3, ед. хр. 39, л. 1) и к А. М. Ремизову от 21 сентября 1918 г. (ИРЛИ, ф. 256, оп. 1, ед. хр. 167, л. 5). 10 сентября 1918 г. Нарбут сообщал Брюсову, что Блоку (как и Белому, Клюеву, Есенину, Луначарскому) послано приглашение участвовать в «Сирене» (ГБЛ, ф. 386, к. 86, ед. хр. 17). Это приглашение в архиве Блока не сохранилось. 1 октября 1918 г. Блок послал для публикации в «Сирене» 5 стихотворений (ЗК, 429—430), которые и были там опубликованы. В 1919 г. Нарбут участвовал в Киеве в издании журнала «Зори» (редактором был С. Д. Мстиславский). Предложение Блоку участвовать в этом журнале, а также в журнале «Красный офицер», затеянном Нарбутом (издание не состоялось), было сделано в письме Нарбута к А. М. Ремизову от 28 июля 1919 г. (ИРЛИ, ф. 256, оп. 1, ед. хр. 167, л. 6). См. также записку А. М. Ремизова Блоку от 5 августа 1919 г. (наст. т., кн. 2, с. 124—125).

II. БЛОК И «МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ»

Взаимоотношения Блока с начинающими поэтами как отдельная проблема блоковедения еще систематически не изучались, хотя ряд важнейших материалов по этой теме уже введен в научный оборот — укажем хотя бы публикацию В. Н. Орлова «Александр Блок о начинающих поэтах»¹. В значительной степени неразработанность этой темы объясняется ее сравнительной трудоемкостью; для того чтобы в полной мере осветить Блока как наставника (само это слово, впрочем, применимо к Блоку с существенными оговорками²) молодых поэтов, одной опубликованной и даже неопубликованной его переписки недостаточно. Требуется,